

В. К. ЧИЧАГОВ

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Об отношении русских имен к греческим в русском языке
XV—XVII вв.*

§ 1. Для различения людей в составе семьи или небольшого коллектива у восточных славян издавна служили особые слова — личные собственные имена. Это был разряд слов довольно многочисленный, а в семантическом и словообразовательном отношении — весьма многообразный. Вот как писал о них один из книжников XVI в.: «Первыхъ родовъ и временъ челоуѣцы... до нѣкогo времени даяху дѣтемъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволить, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времени, или отъ вещи, или отъ притчи... Такжеже и Словяне прежде крещения ихъ даяху имена дѣтемъ своимъ сице: Богданъ, Бажень, Первой, Второй, Любимъ и ина такова...»¹

В X в., в связи с принятием из Византии христианства, получившего в Киевском государстве значение государственной религии, у восточных славян появляются новые имена, ближайшим образом греческого происхождения². Отношение церкви к прежним (русским) именам, как именам личным, не могло не быть отрицательным. Косвенно мы узнаем об этом, например, из «Слова о вере христианской и латинской», приписывавшегося некогда крупному деятелю XI в. Феодосию Печерскому. Автор «Слова» обвиняет сторонников латинской веры в том, что они «*ѿма же не нарицаю стго. но како прозвукѣ родители. к то ѿма кртать*»³. Обычай, состоявший в том, что имя новорожденному давали родители, был, однако, распространен и среди восточных славян, особенно до введения христианства (ср. приведенную выше цитату). Обычай этот, конечно, продолжал дей-

* Предлагаемая статья доцента Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Василия Константиновича Чичагова представляет собою часть широко задуманного труда, посвященного истории русских имен, отчества, фамилий. Возникший еще в студенческие годы под влиянием А. М. Селищева интерес В. К. Чичагова к вопросам русской исторической ономастики не оставлял автора на протяжении всей его научной деятельности. Неожиданная болезнь и смерть, последовавшая 30 июня 1955 г., помешали осуществлению больших научных планов в этой области. Труд остался незавершенным. Первая его часть, касающаяся взаимоотношений русских и греческих имен в XV—XVII вв., в результате не прекращавшейся до последних дней жизни работы над собиранием и обработкой материала получила вполне самостоятельное значение. Однако чрезвычайно требовательный к себе автор не считал свой труд законченным. Данная статья подготовлена к печати О. Г. Гецовой уже после смерти В. К. Чичагова. — *Ред.*

¹ А. Карпов, Азбукovníки, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки, Казань, 1878, стр. 177 и 178.

² Среди них были, как известно, и имена негреческого происхождения в собственном значении этих слов, а, например, еврейского, латинского. Выражение «греческие имена» употребляется ниже в значении «имена христианские», т. е. пришедшие из Византии в связи с принятием христианства.

³ Ф. Буслаяев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стр. 518.

ствовать и во времена деятельности Феодосия, так что приведенные выше слова его относились и к тем, к кому обращено было его «Слово», т. е. к восточным славянам.

Христианство вместе с культом святых, а с ним и новые, греческие, имена вводились, как известно, церковью и господствующим классом эпохи феодализма принудительно¹. Вполне поэтому понятно, что новые имена, к тому же темные («неудобъ вѣдома») в семантическом отношении², а также нередко трудные и для произношения, не могли сразу же заменить прежние русские имена эпохи языческих верований, складывавшиеся в течение ряда веков на основе родного и привычного языкового материала. Таким образом, в X—XI вв. у восточных славян оказалось в употреблении два вида имен, а русский человек того времени назывался, по меньшей мере, двумя именами; ср.: «Во своихъ си прѣятелѣхъ именемъ Милонѣгъ, Петръ по крещенью» (Ипатьевская летопись, под 1199 г.). Или: «зовемъ бияше Жданъ помирську, а в крещении Микула»³.

В связи с описанным выше положением, сложившимся в древнерусской ономастике, перед историком русского языка встает вопрос о том, какова была историческая судьба древнерусских двунаименований, или, иначе говоря, в каких отношениях находились русские и греческие имена в дальнейшей истории русского народа. Рассмотрение этих вопросов применительно к XV—XVII вв. русской истории и является задачей нашей работы.

§ 2. Об отношении русских имен к именам греческим (христианским) в древние периоды русской истории в литературе по русской исторической ономастике речь заходила не раз. Наиболее подробно об этом говорится в статье Н. М. Тупикова под названием «Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен» (напечатанной в качестве предисловия к труду «Словарь древнерусских личных собственных имен»⁴). Вопрос об отношении русских имен к греческим (христианским) ставится Н. М. Тупиковым в этой статье следующим образом: «Рассмотрим теперь, — пишет он, — вопрос о том, как русские имена относятся к христианским, можно ли их считать (для X—XVII вв. — В. Ч.) равноправными личными именами, или же их надо рассматривать как прозвища?» (стр. 65). В результате довольно подробного рассмотрения материала Н. М. Тупиков приходит к следующему выводу: «... русские имена до XVII в. включительно употреблялись подобно христианским в значении личных» (стр. 68). В основу этого вывода положены следующие соображения:

1. О равноправном положении русских и христианских имен до XVII в. включительно свидетельствует, по мнению Н. М. Тупикова, прежде всего «самостоятельное употребление русских имен». «Не говоря о XIV—XVI вв., но еще и в XVII в. вполне обычны случаи самостоятельного употребления русских имен в качестве личных, т. е. употребляется только русское имя (без христианского) с прибавлением отчества и фамилии или одной фамилии, а иногда и без того и другого... Например: Алмазь Ивановъ, Бажень Микитинъ..., Баймъ Болтинъ, Есенеиковъ сынъ Баранъ, Балунъ Афанасьевичъ Маракушевъ и т. д.» (стр. 65).

¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. I, М., 1953, стр. 108.

² Составитель одного из азбучников по этому поводу говорит: «Не туне бо я не жусе святыхъ имена толкованіемъ въ семь Алфавитѣ писахомъ; но дабы разумни намъ, Словяномъ, были...» («Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. II, кн. 5, 6, 7, 8, СПб., 1849, стр. 140).

³ Е. Голубинский, История русской церкви, т. I (вторая половина тома), 2-е изд., М., 1904, стр. 428, примеч. 1.

⁴ Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, «Зап. Отд-ния русской и славянской археологии Имп. Русск. археол. о-ва», т. VI, СПб., 1903 (далее принимается сокращение: Туп.).

2. «Иногда при русских именах мы находим в тексте памятника прямое указание, что здесь перед нами личное, а не прозвищное имя. Такие примеры известны очень рано:

В XI в.: 1) «поваръ, именемъ Торчинъ», 2) «бѣ имя ему Чернь».

1380 г. «Акатьевичъ, нарицаемый Валуи». Лѣтоп. VIII, 40 (Но в Лаврент. 508 «Тимофей Волуй»).

1522. «на имя Грошъ» (З. А. II. 136).

1524. «на имя Горяинъ» (Ю. З. А. I. 65).

1558. «Андреевъ сынъ, Смирнымъ звали» (А. Фед.-Чехов. I. 170).

1591. «Пономарь Огурцомъ зовутъ» (Гр. и Дог. II. 105). (Но также «Федотъ Офонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ»).

1593. «на име Стретъ» (Арх. Ю. З. Р. I. 338)...

1668. «Запорожскій казакъ, Бобою зовутъ» (А. И. IV. 392).

1673. «Запорожскій казакъ, называемый Пинчукъ» (Ю. З. А. XI. 339).

1673. «Отъ гетмана посланный, именемъ Колоша» (Ю. З. А. XII. 356).

1677. «Немировский казакъ, именемъ Томанъ» (Ю. З. А. XIII, 227)».

3. Об одинаковом значении русских и христианских имен свидетельствует далее, по мнению Н. М. Тупикова, «употребление русских имен наряду с христианскими в значении личных», в частности, «при наименовании лиц одной семьи, родных братьев... одни из них называются только христианским, а другие только русским именем». Например: «Хвороща и съ братомъ Иваномъ» (1388); «Ивашко Дюкинъ да его дѣти Некрасъ да Ивашко» (1495) (стр. 67).

4. «От русских имен образуются отчества как и от христианских» (стр. 68).

5. «Даже в синодиках, подаваемых за упокой, усопшие назывались, наряду с христианскими, и русскими именами, например, в Синодике Ивана IV (1582 или 1588 г.) находим имена: Смирной, Брехъ, Жданъ, Кожара, Корепанъ, Быкъ, Рудакъ, Шаранъ, Мисюръ, Сарычъ и т. д...» (там же).

§ 3. Рассмотрим эти соображения. О первом соображении. Дело в том, что имена, имевшие значение прозвищ, как и личные имена, могли употребляться самостоятельно. На стр. 71 «Очерка» Н. М. Тупиков сам пишет: «Русские имена, как п р о з в и щ а (разрядка моя. — В. Ч.), могли употребляться не только при христианских именах, но и самостоятельно». Напрасно только Н. М. Тупиков искусственно суживает круг русских имен-прозвищ. Под «прозвищами» он понимает только такие русские имена, перед которыми поставлено это слово. Русские имена, перед которыми это слово поставлено не было, являются, по его мнению, именами личными. Даже в таких наименованиях одного и того же лица, как, например, «Иванъ Катунинъ а прозвище Смирый» (стр. 72) и «Смирый Гордѣевъ с. (сын. — В. Ч.) Катунинъ», слово *Смирый* считается прозвищем только в первом примере, во втором же примере оно принимается за личное имя. В наименовании «Ивашка Сергѣевъ, прозвище Муха» (стр. 71) слово *Муха*, понятно, принимается за прозвище. Но в названии того же человека *Ивашко Муха* слово *Муха* принимается уже за второе личное имя. С таким пониманием прозвищ согласиться, конечно, нельзя, так как оно предполагает существование прозвищ только на бумаге, а не в живом употреблении. В самом деле, ведь если какой-либо человек носил имя *Иван*, а кроме того, имел еще прозвище *Смирый*, то разве не естественно ожидать, что в одних случаях его могли назвать *Иваном*, а в других — *Смиреем*.

И разве при наименовании указанного лица *Смиреем* это прозвище станет личным именем, а имя *Иван* утратит данное значение? Не произойдет, конечно, ни того, ни другого.

Взгляды Н. М. Тупикова находятся в противоречии и с данными памятников письменности. Имеются прямые указания на то, что прозвищами, например в XVI в., считались и такие русские имена, перед которыми на письме этого слова и не стояло. Такие древнерусские наименования, как *Алмаз Иванов*, *Бажен Микитин* и под., могут свидетельствовать лишь о том, что в письменном языке XV—XVI вв. русские люди могли называться не только христианскими именами, но и русскими. Но являются ли эти имена личными именами или прозвищами, на этот вопрос такие наименования не отвечают.

§ 4. Не представляется убедительным и второе соображение Н. М. Тупикова. Во всяком случае достоверных подтверждений в приводимых им примерах это соображение не получает. Ни в одном из них нет указания на то, что представленное здесь русское имя является личным. В наибольшей степени на это могли бы указывать примеры, в которых перед русскими именами поставлено слово *имя*: «бѣ имя ему Чернь», «на имя Грошъ» и под. Остановимся на данных примерах. Следует обратить внимание прежде всего на то, что примеры эти — неодинакового значения: одни из них относятся к раннему периоду русской истории (XI в.), другие же — к сравнительно позднему (XVI—XVII вв.). В отношении первых весьма возможно, что слово *имя* в них употреблено и в значении «личное имя», так как представления о русских именах, как об именах личных, в XI—XII вв. были еще живыми, особенно среди трудового народа. Но весьма возможно, что слово *имя* употреблено здесь и в широком значении — «название вообще», так как в среде господствующего класса в эту эпоху различия между русскими и христианскими именами сознавались. На это указывают также наименования, встречающиеся в памятниках письменности, как, например: «въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ» (1056); «Князь Феодоръ, а мирьскы Мъстиславъ» (1125). Иногда указывалось на «русское» или «княжес» имя: «нареченный въ крещении Василий, Русьскымъ именемъ Владимиръ» (1096); или: «Родися у Ярослава сынъ Михайль, а княже имя Изяславъ» (1190) (см. другие примеры у Тупикова, стр. 62). Выделялись русские имена и при помощи других слов: *прирокъ*, *прозвание*: «Ефросѣнья и прозваниемъ Изморагдъ» (1198) (стр. 85), «Микифоръ прирокомъ Станило» (1223) (стр. 62).

В примерах второй группы, взятых из памятников южной и западной письменности и относящихся к XVI—XVII вв., слово *имя* употребляется, безусловно, не в значении «личное имя», а в значении «имя, наименование вообще». На это указывают такие случаи употребления слова *имя* в «Старинных описях Литовской метрики» (XVI в.)¹. «Жалоба человека гдѣрського Болѣковьского сторожа Рѣ^нницкаго, на^имя Феодора Кнѣз^иц^иевича Дегина» (стр. 12), где форма *на имя* относится не к одному личному имени, а ко всему наименованию в целом. Слово *имя* может относиться и сразу к двум или нескольким наименованиям: «на^имя на Павла Тѣрика, Ивана Контовъского а на Павла Ло^нчина» (стр. 14); «... Намеснико^въ Лѣц^икнѣхъ имена кнѣ^и Борысь Баснѣ^ии Гѣв^икинъ..., а дрѣг^ии намесни^икъ Иванъ Петрови^ичъ...» (стр. 37). Форма *на имя* могла находиться и не перед личным именем, а перед другими формами наименований: «на людѣ двѣхъ [8 Пинскомъ повете, на^имя Голандичовъ...» (стр. 106). В том же значении слово *имя* употреблялось в топонимических названиях; ср.:

¹ См. «Летопись занятий Археографической комиссии. 1888—1894 годы», вып. XI, СПб., 1903.

«... въ озерѣ, на' мы 8 Вирое...», «... село въ Киевскомъ повѣтѣ, на' мы Соколовици...» (стр. 33 и 106).

И в московской письменности слово *имя* могло употребляться в значении более широком, нежели «личное имя». Ср.: «а выручили, господине, человекѣ моего два сына боярских, а имянь ихъ не упомяну» (1534) (Акты, изд. Калачовым, стр. 186¹); «и ты бѣ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написати въ обыскные книги» (1625) (там же, стр. 160); «и ты бѣ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написать на списокъ» (1649) (там же, стр. 271); «а кто имяны и сколько человекъ. . . и тыбѣ о томъ отписалъ и имянь ихъ роспись прислалъ» (1666) (там же, стр. 282). В документах московской письменности слово *имя* употреблялось и в значении «личное имя» (см. об этом ниже).

Что касается примеров, в которых русским именам предшествуют слова *нарицаемый, звали, зовут, называемый*, то не представляется ясным, почему эти слова являются «прямым указанием» на личное имя. С этим утверждением не согласуется прежде всего материал, приводимый самим Н. М. Тупиковым. Например, в наименовании «Акатьевичъ, нарицаемый Валуи» слово *Валуи* могло и не быть личным именем, так как бесспорным личным именем этого человека было *Тимофей*, как показывает наименование, приведенное далее: «Тимофей Волуй». В другом примере «пономарь, Огурцомъ зовутъ» слово *Огурецъ* — прозвище, об этом прямо сказано в полном наименовании того же человека: «Ведотъ Офонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ» (1591). Следовательно, слово *зовутъ* употребляли и при прозвищах. Имеются и другие данные, свидетельствующие об этом. Например, в Житии Стефана Пермского говорится: «Знаемъ бѣ мы тѣхъ, им же и прозвища ти кидасюу, Фнюду же нѣци. . . и храпѣ та зладасюу» (Срезневский, Материалы, т. II, стр. 1529).

Слово *звать* сочеталось со словом *прозвище* и в топонимике. Ср.: «. . . какъ тотъ лугъ зовутъ прозвищемъ? И Якушъ сказалъ: прозвища, государь, тому лугу нѣтъ. . .» (Акты, изд. Калачовым, стр. 231).

Таким образом, слово *звать* отнюдь не указывает на то, что находящееся при нем наименование человека обязательно является личным именем. Небезынтересно, что была потребность различать личные имена от прозвищ и при помощи глаголов. Ср.: «Есть де на Угличе на посаде жонка, живет за гостинымъ двором, а как ее *зовут*, того не ведает, а *словет* Белянка» (курсив мой. — В. Ч.).

§ 5. Не представляется убедительным и третье соображение. Оно, как было указано выше, состоит в том, что члены одной семьи, например родные братья, могли называться по-разному: или только христианским, или только русским именем. Дело в том, что в наименованиях подобного рода русские имена также могли иметь значение не личных имен, а прозвищ. Такие наименования, как «Хвороща и с братом Иваном», могли представлять собою прозвище и идущее за ним личное имя. Весьма возможно, что подобные наименования возникали в связи с тем, что члены одной семьи носили одинаковые христианские имена. Такие случаи, как известно, бывали нередко. Например, в Казанских писцовых книгах упоминается о трех братьях, называвшихся Иванами. В одной из Родословных книг (начало XVII в.) читаем: «Князь Костянтинь Юрьевичъ Ѧомирской;

¹ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археогр. комиссией, под ред. Н. Калачова», т. I, СПб., 1857, стр. 186 (принимается обозначение: Акты, изд. Калачовым).

а у него три сына, и вси Федоры, а прозвища имъ были: большому Красной, а среднему Слѣпой, а третьему Меншой»¹.

Что касается четвертого (беглого) указания Н. М. Тупикова на то, «что от русских имен образуются отчества, как и от христианских» (стр. 68), то это указание могло бы свидетельствовать о том, что «русские имена до XVII в. включительно употреблялись подобно христианским в значении личных» только в том случае, если бы среди так называемых отчеств не существовало разных видов, а между тем отчества, как это будет показано в другой работе, были разные.

Пятое соображение Н. М. Тупикова также не может свидетельствовать о том, что русские имена до XVII в. включительно имели значение личных имен. В качестве примера автор приводит данные из синодика Ивана Грозного. Между тем нельзя не учитывать те исторические факты, с которыми была связана запись усопших в этот синодик. Эта запись была произведена по приказу царя, который сам личных христианских имен усопших мог и не знать. Вот какое примечательное вступление предпосылается этой записи усопших в Нижегородском синодике XVI в.: «Сих опалных людей поминати по грамотѣ царевѣ, и понахиды по нихъ пѣти. а которые в семь сенаяки. не имени писавы прозвищи или в которомъ мѣсте писано 10 или 20 или 50, ино бы тѣхъ поминали Ты Господи самъ вѣси имена ихъ»².

Из этой приписки, относящейся к XVI в., ясно видно, что те русские имена, которые встречаются в синодике Ивана Грозного и которые, по мнению Н. М. Тупикова, являются личными именами, для современников этой записи были «не имены», а «прозвища».

Мы рассмотрели все соображения Н. М. Тупикова. Оказалось, что ни одно из этих соображений не является состоятельным. А вместе с тем оказывается также, что вопрос об отношениях между русскими и христианскими именами в XV—XVII вв. русской истории продолжает оставаться открытым.

§ 6. В памятниках письменности содержатся данные, на основании которых можно было бы ответить на вопрос, в каких отношениях находились русские и греческие (христианские) имена в русском языке XV—XVII вв. Одни из них очень хорошо были известны и Н. М. Тупикову, другие этим исследователем учтены не были. Рассмотрим те и другие.

Для правильного ответа на поставленный выше вопрос необходимо принять во внимание прежде всего обстоятельство, которое хорошо было известно и Н. М. Тупикову: «начиная с XV в., мы встречаем ряд примеров, где русское имя, употребленное при христианском, прямо называется прозвищем, т. е. грамотей не хотят признавать эти слова именами.

1436. Князь Литовскій Иванъ, а прозвище ему Баба. . .

1507. Отрохимъ Семеновичъ, прозвище Курвель. . .

1552. Иванецъ с Луцка, Кошель прозваніемъ. . .» (Туп., стр. 68).

В труде Н. М. Тупикова приводится далее, в тексте и в сноске, более ста таких примеров. В памятниках письменности они, действительно, встречаются нередко. Вот еще несколько таких примеров: «Филка, прозвище Утка» (1544) (Записн. кн., стр. 37)³; «Иван, прозвище Первой.

¹ «Временник Имп. Моск. о-ва исторія и древностей российских», кн. 10, М., 1851, стр. 106 («Материалы»).

² «Материалы по истории Нижегородского края. Синодик нижегородского Печерского монастыря 1552 года», под ред. Н. И. Левитского, в кн. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник», т. XV, вып. I, Н.-Новгород, 1913, стр. 27 второй пагина.

³ «Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву», СПб., изд. Археогр. комиссии, 1898 (далее принимается сокращение: Записн. кн.).

Ондрѣвъ сынъ» (1595) (Новг. каб. кн., стр. 20)¹; «Алексѣй, прозвище Будила, Семеновъ сынъ» (там же, стр. 20); «Марко, а прозвище Осмина, Овдукимовъ сынъ» (1595) (там же, стр. 56); «съ Самсономъ, прозвище съ Первушкой» (1595) (там же, стр. 64); «Степанко, прозвище Первушка, Степановъ сынъ» (1594) (там же, стр. 73); «Герасимко, прозвище Горыша» (1595) [ср. его же полное наименование: «на Герасимка Яковлева сына, прозвище на Горышу» (там же, стр. 4—5)]; «на его Иванка, прозвище на Козла»; ср. полное наименование: «Иванъ Еремѣвъ сынъ, прозвище Козель» (1595) (там же, стр. 12—13); «Иванко, прозвище Жданко» (1595) (там же, стр. 24); ср. его полное наименование: «на Иванка Кирилова сына, прозвище на Жданка» (стр. 23); «Калинка, прозвище Негоддйко»; ср. полное его наименование: «Калина Сергѣвъ сынъ, прозвище Негоддй» (1595) (там же, стр. 102—103).

Наименования женщин: «дочь Оксѣньяца, прозвище Кругла» (1533) (Записн. кн., стр. 169); «на Митюну дочь Оксиньцу, прозвище Неждану» (1575) (там же, стр. 24); «дѣвку полонянку Марьцу, прозвище Бѣлка» (1576) (там же, стр. 176); «на его жену Огаѣицу, прозвище Малку» (1578) (там же, стр. 166); «да Ульянина, прозвище Галка, Михайлова дочь» (1588) (там же, стр. 180); «Кабала на Василиску, прозвище Лобаху, Данилову дочь Новикова» (1596) (там же, стр. 211); «да Олешина же дочь Иринка, прозвище Гостина» (XVI в.) (там же, стр. 190); «Анка, прозвище Гуля» (XVI в.) (там же, стр. 210); «на Степанидке прозвище Докуко, Иванкове дочери» (XVI в.) (там же, стр. 211); «жена его Устиньца, прозвище Долгуша» (XVI в.) (там же, стр. 200); «А Маврица де дана, прозвище Досатка, зятю их» (XVI в.) (там же, стр. 201); «Парасковьяца, прозвище Любка» (XVI в.) (там же, стр. 194); «а жена де ево Крестинка, прозвище Нзлюбка» (XVI в.) (там же, стр. 189); «Женатъ на Овдотьцы, прозвище на Смиреньки» (XVI в.) (там же, стр. 201); «А Оришка де, прозвище Собинка, Селиванова дочь» (XVI в.) (там же, стр. 3); «Намолѣицу, прозвище Чернуху» (XVI в.) (там же, стр. 194).

Количество примеров подобного рода для XVI—XVII вв. может быть легко увеличено, однако полагаем, что и приведенного материала вполне достаточно, для того чтобы убедиться в нередкости употребления слова *прозвище* перед русскими именами.

§ 7. В памятниках письменности представлены (правда, гораздо реже) и такие наименования, в которых греческое и русское имя расположены в ином порядке, а именно: русское имя находится в начале наименования, а греческое имя следует за ним. В таких случаях перед русским именем не ставится слово *прозвище*, а перед греческим именем, как правило, употребляется слово *имя*. Например: «Латышъ Матца, а по крещенью имя Левка» (1591) (Записн. кн., стр. 143); «а выдана де она замуж за старинного человека за Малыша, а имя ему Волотка» (XVI в.) (там же, стр. 62); «Да Улиткинъ сынъ Кайбалъ от нихъ збежалъ, а имя ему Гришка» (XVI в.) (там же, стр. 197); «а женат Ошонка на Овдотьи на Жирове дочери, имя Онкудинъ» (XVI в.) (там же, стр. 212); «Был де над домом ево такой грех — в дому ево насыльной враг. Наслала ево баба, Дмитровского посаду Борисоглебские слободы крестьянка, Крюкова жена, а как тому Крюку имя и жене ево того не водает» (1649 г.) (Яковлев, стр. 229)²; «Бакашъ Ивановъ сынъ, а имяни е[го] не спомнать, что онъ с отцомъ збе-

¹ «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов», М.—Л., 1938 (далее принимается сокращение: Новг. каб. кн.).

² А. Яковлев, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., М.—Л., 1943 (далее принимается обозначение: Яковлев).

жалъ малъ» (Записн. кн., стр. 136); «Богданъ, а имя ему Богъ вѣсть» (1642) (Туп., стр. 71).

Приведенный в шестом и седьмом параграфах материал ясно указывает, что в XVI—XVII вв. в русском языке различалось два вида имен: имена в собственном смысле, т. е. личные имена, и имена-прозвища. Различение имен и прозвищ нашло свое отражение, между прочим, в особых формулах наименований, употреблявшихся в официальной письменности, например: «велѣли переписать дворы и во дворехъ крестьянъ, по имяномъ, съ прозвищи» (1610) (Самоковасов, стр. 121)¹; или: «кто съ нимъ на той татбѣ и на иныхъ воровствахъ имяны и прозвищи товарищи были» (1647) (Акты, изд. Калачовым, стр. 268); «и салдать отпускныхъ и бѣглыхъ, старыхъ и даточныхъ. . . велѣлъ переписать имяны, съ отцы и съ прозвищи» (1668) (там же, стр. 287); «. . . переписывали крестьянские и бобыльские дворы, і во дворѣхъ людей по имяномъ с отцы и съ прозвищи (1678) (Переписн. кн. по Нижн.-Новг., стр. 356)².

§ 8. Случаи употребления слова *прозвище* перед русскими именами очень хорошо были известны и Н. М. Тупикову. Под влиянием этих фактов он внес существенную поправку в свое первое заключение об отношении русских имен к христианским в XV—XVII вв. Рассмотрев вопрос об употреблении русских имен в значении прозвищ, Н. М. Тупиков пишет следующее: «русские имена до XVII в. включительно имели одно значение личных имен, как и христианские. Часто они употреблялись вместе с христианскими. Иногда имели значение прозвищ, но какие имена и когда переходили в прозвище, решить невозможно. Мы склонны думать, что признание русского имени равноправным с христианским или же имеющим значение только прозвища зависело от воли отдельных лиц, носивших это имя или писавших документ, куда заносился владелец имени» (стр. 73). Но правильно ли, что русские имена имели значение прозвищ только «иногда»? Полагаем, что это неправильно. Неправильно потому, что слово *прозвище* перед русскими именами употреблялось, как мы уже видели, вовсе не «иногда», а довольно часто. Во-вторых, памятники письменности, например Нижегородский синодик, показывают, что отсутствие слова *прозвище* перед русскими именами не может служить доказательством того, что соответствующие имена были личными именами. Наконец, в-третьих, — и это самое главное — Н. М. Тупиков не обратил внимания на то, что в именованьях, состоящих из греческого и русского имени, отношения между указанными именами определялись не столько при помощи постановки перед русским именем слова *прозвище*, сколько расположением имен в составе наименования. Это расположение подчинялось определенному правилу, а именно: греческое имя стоит всегда на первом месте, а русское имя или следует за ним или стоит после отчества (в конце наименования).

При описании наименований, в которых перед русскими именами стоит слово *прозвище*, мы уже обратили внимание на указанный порядок расположения имен. Но эта закономерность наблюдается и в именованьях, в которых перед русскими именами слова *прозвище* не употреблено. Примеры подобного рода представлены в огромном количестве не только в памятниках письменности XVI—XVII вв., но и в памятниках письменности XV в. Ниже мы ограничимся приведением лишь некоторых примеров из памятников XV и XVI вв.

¹ «Московский архив министерства юстиции. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Упр. архивом Д. Я. Самоковасов», т. II, М., 1909 (далее принимается обозначение: Самоковасов).

² «Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду», в кн. «Русская историческая библиотека», т. XVII, СПб., изд. Археогр. комиссии, 1898.

XV в е к. Из «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», т. I¹: «Кли[м] Молотило» (1392—1427) (стр. 32); «Иван Сватко» (1392—1427) (стр. 32); «Федор Беклемиш» (1410—1427) (стр. 36); «Яковъ Копыто» (1410—1427) (стр. 37); «Дмитрока Шека», и в вып. падеже (1410—1427) (стр. 37); «Иван Репех» (1410—1427) (стр. 38); «Иван Арбуз» (1410—1427) (стр. 40); «у Олександра у Еры у Дмитривича» (1417—1425) (стр. 43); «Лушь (Лукьян? — примеч. издателя) Рык» (1417—1425) (стр. 44). «Илья Молоко» (1425—1440) (стр. 53); «Елизар Косяк, Солонинин сын» (1428—1432) (стр. 58); «Феодосей Горкой, Окиш Лодыга» (1428—1432) (стр. 58); «у Дмитрея у Мичюры» (1428—1432) (стр. 59); «Василей Пазуха» (1420—1430) (стр. 63); «Власий Сусед», «Гриша Сушко» (1430—1445) (стр. 65); «Андронник Кривою» (1432—1445) (стр. 69); «Мокой Черъмной» (1432—1445) (стр. 73); «Семенько Мазгора» (1432—1445) (стр. 73); «Кузьма Комар», «Ондрейко Глаз» (1433) (стр. 86); «Григорей Гнезник», «с Яковом с Киселем» (1435—1440) (стр. 94); «Ефрѣмъ Горбатой» (1435—1440) (стр. 95); «Офонас Подрез» (1435—1440) (стр. 97); «Иван Губа» (1435—1440) (стр. 97); «Иван Сухона, да Иван Полежай» (1435—1440) (стр. 98); «Лука Табай Бородин» (ок. 1430) (стр. 108); «Федор Заец» (ок. 1430) (стр. 109); «у Ивана у Пенты» (ок. 1430) (стр. 109); «Левко Племянник» (1430—1440) (стр. 110); «Иванко Плохой» (1430—1440) (стр. 113); «Ивана Затыку» (1430—1440) (стр. 116); «Ивашко Сова Кожин» (1461—1464) (Акты феодальн. землевлад., стр. 208²); «Андрей Некрас Семенов сын» (1464—1473) (там же, стр. 57); «Михайло Колзак» (1473) (там же, стр. 253); «Яков Клобук» (1473—1489) (там же, стр. 234); «Тимоха Дурняга» (1499) (там же, стр. 138); «Игнат Прасол» (1409) (там же, стр. 141) и много др.

XVI в е к. Из «Книги ключей и денежных оброков» (1547—1561 гг.³): «Ивану Безлепе» (стр. 60), «Грише Безстужему» (стр. 54, 64, 71), «Мите Безстужему» (стр. 56), «Иван Белоглаз» (стр. 24), «Осифу Берсеню» (стр. 34, 39), «Васюку Бородке» (стр. 54), «Васка Бык» (стр. 24), «Иваньку (Иванку) Быку» (стр. 64, 71, 79), «Федару Вихляю» (стр. 23), «Семен Галах» (стр. 18, 25, 31, 36), «Терех Гармон» (стр. 17), «Косте Голышу Калинину сыну» (стр. 13), «Истомьке Грезе Кузьмину сыну» (стр. 14), «Лазарь (Лазорь) Горбатой» (стр. 13, 18, 25), «Григорью (Грише) Горбатову» (стр. 22, 79), «Титу Горбатову» (стр. 54), «Грише Горбуну» (стр. 61), «За Гришкою за Горбуном» (стр. 66), «Ивану Дьяку» (стр. 65), «Исааку Диану» (стр. 52), «Степану Дьёку» (стр. 22), «За Осифом, за Лосужим» (стр. 55), «Проня Желна» (стр. 53), «Васка Жеребя» (стр. 53), «Корнилку Жучку (Жючку)» (стр. 38, 44), «Грише Зубатову» (стр. 16, 41, 66), «Иван Звяга» (стр. 48, 52, 57), «Иванку Заглодышу» (стр. 13, 19, 25), «Семену Каруше» (стр. 31, 78), «Гришка Косик Тимофеев сын» (стр. 63), «Сеньке Кривому» (стр. 32, 38, 50, 68), «Филькс Кривому» (стр. 27, 45), «Илейке Кудрявому» (стр. 33), «Фоме Кувале Омельянову сыну» (стр. 60), «Иваньку (Иванку) Коряке» (стр. 19, 25 и др.), «Федор Курышка» (стр. 53, 57 и др.), «Митя Килеша» (стр. 53), «Кузьме Каменому» (стр. 79), «Фомке Кувале» (стр. 64), «Паньке Лодышке (Лодыжке)» (стр. 34, 39), «Митя Ленко» (стр. 24, 39 и др.), «Михайлу Лепешке» (стр. 57), «Михалю Малому» (стр. 15), «Гаврилу Медведю» (стр. 14 и др.), «Истоме Мяжю» (стр. 15, 21 и др.), «Иванку Мурзе» (стр. 49), «старец Марка Малай» (стр. 76), «Ивану Мяккому Нефедову сыну» (стр. 48), «Гаврила Пета» (стр. 20), «Федько

¹ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.», т. I, М., 1952.

² «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I, М., 1951 (далее принимается обозначение: Акты феодальн. землевлад.).

³ См. «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», М.—Л., 1948 (далее принимается обозначение: Книга ключей).

Репан» (стр. 70), «Афоньке Свинке (Офоньке Свиньке)» (стр. 19, 35 и др.), «Сенько Щоголь» (стр. 13), «Иванку Щербаку Ширяеву сыну» (стр. 75) и много других.

Таким же образом обстояло дело и с наименованиями женщин. Ср.: «на его жену Анницу Кокору» (1580) (Записн. кн., стр. 16); «да на его жену Анницу Нѣмку» (1581) (там же, стр. 47); «да его жену Огаѣицу Чернану» (1541) (там же, стр. 21).

Случаи нарушения фиксируемой приведенными примерами структуры наименования встречаются редко. В указанных выше документах XV в. нам встретился только один случай употребления греческого имени после русского: «Загреба Тараско» (1498) (Акты феодальн. землевлад., стр. 111). Но и этот случай представляет собою явную опisku, так как в других местах того же документа это лицо называется: «Тараско Загреба», «Тараску Загребе» (там же), «с Тараском Загребою» (стр. 108). В памятнике, из которого приведены примеры XVI в. — в «Книге ключей и денежных оброков» — мы отметили два таких случая: «Черной Иван» (стр. 13) и «Ореху Семену» (стр. 50). Но первое из этих лиц в других местах называется всегда «Иван Чорнай», (стр. 19), «Иван Чернай» (стр. 25), «Ивану Чернаму» (стр. 17). Второе лицо двумя именами названо в памятнике всего один раз — его наименование также может представлять собою опisku. Отметим, что и в других памятниках такое расположение имен встречается как исключение. Например, в Казанских писцовых книгах XV и XVI вв., при обычном расположении русских имен после христианских, встретилось нам только три случая, когда русское имя находится в начале наименования перед именем греческим. Случаи эти следующие: «дв. Кадыша Иванка новокрещена» (стр. 27); «2 двора Треньки Исака» (стр. 31); «в. Мочало Гриша» (стр. 38). Первый из этих случаев объясняется просто: в начале названо татарское имя *новокрещена*, два других случая — описки писца. В одной из повестей XVII в. — «Повести о начале царствующего града Москвы» — встречаются наименования: «болярин Кучко Стефан Иванович», «болярина Кучка Стефана Ивановича»¹. Эти наименования возникли в результате перестановки прозвища, подобно тому как в современном языке мы употребляем наименования Смирнов Иван Иванович, при обычном — Иван Иванович Смирнов.

Итак, наименования людей, состоявшие из греческих и русских имен, в XV—XVII вв. имели определенную, и при этом устойчивую, структуру: греческие имена занимали в них всегда первое место, а русские — второе или третье. Такое распределение имен было обусловлено их значением в языке и в составе наименования.

Расположение греческих имен на первом месте, а также то, что перед ними ставилось слово *имя*, если оно оказывалось на втором месте, свидетельствует о том, что греческие имена в XV—XVII вв. имели значение личных имен, т. е. имен, признанных официально и обязательных для всех русских людей того времени. Расположение русских имен после греческих, как и то, что перед ними нередко ставилось слово *прозвище*, свидетельствует о том, что в указанное время они не имели значения личных имен, а имели значение имен-прозвищ, т. е. имен второстепенных (бытовых), в употреблении не обязательных. Слово *прозвище* ставилось перед ними не всегда потому, что в нем не было необходимости: взаимные отношения между именами достаточно точно определялись их расположением в составе наименования. Поэтому в объяснении нуждается не тот факт, что слово *прозвище* ставилось перед русскими именами не всегда, а то, почему оно, и при этом нередко, все-таки ставилось. Описанные отношения между

¹ «Русская повесть XVII века», М., 1954, стр. 74.

личными именами и прозвищами продолжали сохраняться и после XVII в.; они продолжают сохраняться и в диалектной речи нашего времени; ср., например: «Ванька Голос» «Вацька Чевря», «Васенка Шевеленок», «Васька Купало», «Ваня Челночек», «Анка Грязнуха», «Мишка Рыжий», «Даша Чебача», «Еленка Каланча», «Анка Голосиха», «Катя Мелода», «Саня Белая»¹ и мн. др.

§ 9. В связи со сделанными выводами возникает вопрос о том, имеют ли они силу и для других видов наименований, т. е. имеют ли они значение общих выводов. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть соответствующий материал.

В памятниках письменности встречаются, хотя и не часто, наименования, в которых на первом и на втором месте стоят русские имена; перед вторым из них может быть поставлено слово *прозвище*. Ряд таких примеров имеется в труде Н. М. Тупикова (стр. 74 и 75): «Упирь Лихый» (1047); «Добрыня Долгой» (1177); «Кормань Постникъ» (1343); «Язык Мошна» (1427); «Мурза Черной» (1524); «Булгакъ Григорьевичъ Ромозанъ» (1525); «Тонкой Скоморохъ» (1539); «Злобка Софоновъ с. Чермной» (1530); «Дубилка Строчекъ» (1557); «Субота Осетр» (1572); «Первой Мефедья, сынъ Ершъ» (1585); «Ночай Рыбъ» (1598); «Пятой Моромецъ» (1607); «Дружинко Тумахъ» (1601); «Шумило Швець» (1609); «Бажень Кулакъ» (1613); «Второй Семеновъ сынъ, а прозвищемъ Холопъ» (1613); «Неупоккой Карга» (1614); «Трени Усъ» (1614); «Второй Кубанецъ» (1625); «Трени Нецвѣтай», «Первуша Черепанъ», «Трени Казымъ» (1629); «Тропка Малой» (1629); «Вторко Теленокъ» (1649); «Томилко Слѣпой» (1652); «Мурат Чурикъ» (1678); «Туманъ Болдырь» (1684); «Вотагъ, прозвищемъ Зима» (1684).

Вот еще несколько дополнительных примеров из памятников XVI в.: из «Записной книги»: «Правилко прозвищо Палица» (стр. 21), «Третьякъ прозвище Козель» (стр. 190); из «Книги Ключей»: «Быку Зубатому» (стр. 77), «Горемыке Старому» (стр. 78), «Дягилю Молодому» (стр. 48), «Истоме Бусла» (стр. 19), «Истомке Морозу» (стр. 13), «ИстOME Мижюю» (стр. 15); «ИстOME Нешаре» (стр. 76), «Колуге Малому» (стр. 14), «Негодяю Черьмному» (стр. 68), «Новику Безлепу» (стр. 64), «Третьячко Шило» (стр. 63, 69), «Третьяку Малому» (стр. 79), «Шемет Безногой» (стр. 53), «Шестой Щека» (стр. 70).

Не являются ли первые русские имена во всех этих примерах личными именами? Полагаем, что нет. Полагаем на том основании, что все эти первые русские имена в положении после греческих имен могли употребляться в значении прозвищ. Ср., например, приведенное выше наименование: «Тонкой Скоморох» и наименование «Карпак, прозвище Тонкой, Федосѣевъ сынъ» (XVI в.) (Записн. кн., 58); или: «Первуша Черепан» и «Осташко, прозвище Первушка, Сенкинъ сынъ» (XVI в.) (там же, 57), «на Самсонка, прозвище на Первушку» (Новг. кабалн. кн., ч. I, стр. 63); «Истомка Мороз» и «Онисим, а прозвище Истома, Негодяевъ сынъ» (1603) (Новг. каб. кн., ч. II, стр. 96); «Третьячко Шило» и «Герентей Ондриев сын, прозвище Третьяк» (там же, стр. 28); «Дружинко Тумахъ» и «Овдоким Васильевъ сынъ, а прозвище Дружинка» (там же, стр. 344); «Томилко Слѣпой» и «Спирко Иванов сын, прозвище Томилка» (там же, стр. 321); «Поликарпъ, прозвище Томилко» (Записн. кн., стр. 30); «Бажень Кулакъ» и «Се язъ, Сила, прозвище Бажѣвъ, Овдокимовъ сынъ Трескинъ» (1619) (Акты, изд. Калачовым, стр. 455); «Вторко Теленокъ» и «на Дмитрейка Ондрѣева сына, прозвище Вторку» (XVI в.) (Записн. кн., стр. 153); «Мурза Черной»

¹ С. А. Копорский, О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губернии, Труды Ярославского педагогического института, т. II, вып. 3, 1929, стр. 175 и 176.

и «Савка, прозвище Мурза» (1560) (там же, стр. 61); «Быку Зубатому» и «на Степанка Семенова сына, прозвище Быка» (там же, стр. 47), и т. д.

Кроме того, приходится иметь в виду, что носители приведенных выше наименований, состоящих из двух русских имен, имели еще и греческие имена. В труде Н. М. Тупикова, например, находим: «Василий Копыль Спячей» (1515) (стр. 74); «Дмитрий Чубарь Зварыка» (1476) (там же); «Иванъ Свѣтило Рыжко» (1603) (там же). Точно так же упомянутый выше *Третьячко Шило* носил имя *Вафка*, вероятно, уменьшительное от *Вавило* (см. на стр. 74 указанного источника: «Вафке Шилу, порука Гуляй ис Покровского»). Упомянутый выше *Бык Зубатой* назывался *Иваном*, а *Дягиль Молодой* — *Федором* или *Федосом*. И другие носители рассматриваемых наименований имели греческие имена, так как невозможно допустить, чтобы в XVI—XVII вв. кто-нибудь из русских не получил греческого имени при крещении. Эти имена, полученные русскими людьми при крещении, только и могли быть их личными именами.

Таким образом, первые имена в таких наименованиях, как *Третьячко Шило*, могли быть только прозвищами по отношению к христианским греческим именам соответствующих лиц. Вторые русские имена этих наименований были вторыми прозвищами этих лиц (по отношению к предшествующим им русским именам). Функция этих вторых прозвищ в именовании, состоявших из двух русских имен, была такой же, как и функция прозвищ при христианских именах: в именовании «Иван. . . прозвище Ждан» (Новг. кабалън. кн., ч. I, стр. 146) слово *Ждан* выделяло именуемое лицо из числа *Иванов*. Точно так же в наименовании *Третьячко Шило* прозвище *Шило* выделяло именуемое лицо из числа *Третьячков*. В наименованиях, состоявших из двух русских имен, первые часто бывают отвлеченного значения, например: *Первой*, *Второй*, *Третьей* и под. или же они представляют собой наиболее употребительные русские имена вроде *Ждан*, *Бажен*, *Томило*, *Истома*, *Злоба* и под. Наоборот, вторые имена имели обычно конкретное значение (ср.: *Треня Ус*, *Вторко Теленок*, *Бажен Кулак* и др.) и служили, следовательно, дополнительным средством для выделения именуемого из состава коллектива или лиц с одинаковыми русскими именами.

Итак, наличие в памятниках письменности XV—XVII вв. именовании, состоявших из двух русских имен, не свидетельствует о том, что в указанное время русские имена могли быть личными именами.

§ 10. В памятниках письменности XV—XVII вв. встречаются, далее, такие наименования, в которых слово *прозвище* стоит перед греческим именем. Среди наименований этого рода целесообразно различить по крайней мере три группы фактов¹.

1. Слово *прозвище* (или *прозвание*) стоит перед таким греческим именем, которое является видоизменением предшествующего имени: «Иван Григорьевичъ Расль, прозвищъ Иватя» (XV в.); «Александръ, по прозванію Саня» (XIV в.); «Матей Матюша» (1610); «Егорей, прозвище Юрьи, Ивановъ сынъ Токмаковъ» (1626) (Туп., стр. 76). Вот еще несколько таких примеров: «дѣвку Ульянку, а прозвище еѣ Ульяна Микитина дочь» (1578) (Записн. кн., стр. 94); «А Ульянка. . . в холопстве прижила Парас-

¹ Сомнительные образования оставляем в стороне. К числу упомянутых относим, например: *Сонютка* («женат на Полашки, прозвище Сонютке», 1579, Записн. кн., стр. 101), которое может восходить и к *Софья*, и к *Сон*; ср. *Сонюла*. Неясно происхождения прозвища *Федорка*, представленного в следующем контексте: «Зовут ее Федоркою, а молитвенное имя — Манька Федорова» (1652) (Яковлев, стр. 195). Может быть, оно образовано в связи с отчеством? Требуют специального изучения такие наименования, как, например: «женку Латышку, Феклицю зовугъ, а по крещенью имя Овдотья» (1597) (Записн. кн., стр. 64), где речь идет о женщинах нерусского происхождения.

ковьцу, прозвище Паню» (1578) (там же); «Кабала на Якимка Микитина сына, прозвище Якуша» (1597) (там же, стр. 60); «Домница, прозвище Домашка» (XVI в.) (там же, стр. 108); «на Михаила на Варламова сына, а прозвище Мишка Третьяковъ сынъ, Стенина» (1594) (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 163); «на Михайлку на Иванова сына, а прозвище Мишка» (там же, ч. II, стр. 151); «Фетко Семенов сын, а прозвище Федюдя» (там же, стр. 246).

2. Слово *прозвище* стоит перед такими греческими именами, которые имеют лишь некоторое фонетическое сходство с предшествующими им греческими именами (начинаются с одинаковых слогов, имеют общие характерные звуки). Например: «Кабала на Павелка да на Савку, прозвище на Санка, || Григорьевыхъ детей» (1583) (Записн. кн., стр. 181); «Кабала на Микитку Федорова сына, прозвище Мишка» (1595) (там же, стр. 111); «Сенка Михайлов сын, прозвище Самулка» (1595) (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 75); «Кабала на Оеонку, прозвище на Ооку» (1585) (Записн. кн., стр. 124); «Кабала на Елеуферья, зовется Федором, Кондратьева сына» (1597) (там же, стр. 37); «Се яз Фефил Федотьев сын, прозвище Офим» (там же, ч. II, стр. 331); «на Микитку на Васильева сына, а прозвище Митька» (там же, стр. 155) и т. п.

3. Слово *прозвище* стоит перед такими греческими именами, которые по отношению к предшествующим именам являются другими именами: «Иванъ Ивановъ сынъ, прозвище Пентелѣйко. . .» (1595) (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 91); «на его детей на дву Івашковъ, прозвище одному Івашку Костя» (1596) (Записн. кн., стр. 158); «Кабала на Дѣйка, прозвище Гришу, Иванова сына Федорова» (1596) (там же, стр. 26); «Івашко, прозвище Васка» (1597) (там же, стр. 31); «Еуфимко, прозвище Мишка» (1629) (там же, стр. 174); «Маркушка Захарьев сын калашник, прозвище Тишка» (1646) (Казанск. писцов. кн., стр. 78); «Фочка, прозвище Сенка» (1646) (там же, стр. 72); «человека Сеньку Родионова, прозвище Микитку» (1646) (Яковлев, стр. 189); «женка Улька, прозвище Любка» (1652) (там же, стр. 191); «Полага Григорьева дочь прозвище Маяя (от Марья? — В. Ч.) Муромка» (1595) (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 133); «жена ево Ануска Якимова дочь, прозвище Пашка» (XVI в.) (Записн. кн., стр. 173); «его жену на Маврицу, а прозвище Чернава» (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 143) и т. п. Несколько таких примеров имеется также в труде Н. М. Туликова (см. стр. 76).

Для наших рассуждений может иметь значение лишь третья группа приведенных фактов, где слово *прозвище* стоит перед таким греческим именем, которое с предшествующим ему греческим именем не связано [Первые две группы примеров представляют собою либо бытовые формы впереди стоящих, основных, имен (первая группа), либо — возможно — своеобразные модификации этих основных имен (вторая группа)]. Наименования третьей группы могут быть истолкованы как противоречащие предложенному выше пониманию отношений между греческими и русскими именами в русском языке XV—XVII вв. В самом деле, выше было предложено считать греческие имена для XV—XVII вв. личными именами, а между тем имеются достоверные данные, указывающие на то, что они могли быть и прозвищами. Противоречие это, однако, только кажущееся. Дело в том, что греческие имена в значении прозвищ встречаются лишь после имен греческих же. В нашем распоряжении нет ни одного примера, где греческое имя выступило бы с характеристикой *прозвище* после русского имени. Таким образом, и эти данные не указывают на то, что русские имена в XV—XVII вв. могли иметь значение личных имен.

Вопрос о том, как возникали прозвища из христианских имен, требует специального изучения. В отдельных случаях, как показывает приведенный материал, они возникали вследствие необходимости различить двух

членов семьи, получивших при крещении одинаковые имена («на его детей на два Ивашков, прозвище одному Ивашку Костя»). В некоторых случаях, вероятно, имела значение звуковая близость двух христианских имен, трудность произношения основного имени (ср.: *Микитка* и *Мишка*, *Офонька* и *Фока*, *Елеуфрей* и *Федор*). Все эти обстоятельства более или менее случайные. По мнению Е. Голубинского, «в период домонгольский русские имели обычай носить по три имени — по два христианских и по одному народному»¹. Однако ни в письменности древней, ни в письменности XV—XVII вв. такие наименования не употреблялись. Мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о том, что приведенные нами примеры наименований двумя христианскими именами являлись продолжением «обычая» домонгольского периода. Процесс изменения прежних русских имен в прозвища мог распространиться в какой-то, конечно, незначительной, степени и на некоторые христианские имена. Продолжением этого процесса в более позднее время является появление нарицательных имен типа *Фофан*, *Селифан* и ряд других. Таким образом, употребление слова *прозвище* перед христианскими именами отнюдь не стоит в противоречии с предлагаемым объяснением написаний этого слова перед русскими именами. Написание слова *прозвище* перед христианскими именами встречается лишь как исключение.

§ 11. В памятниках письменности XV—XVII вв. часто встречаются наименования, состоящие из одного греческого или одного русского имени:

1) из «Книги ключей и денежных оброков»: «порука по нем Володя», «порука по нем брат его Ермола», «Нестерику да Сеньке подчашником», «Митьке Лужникову пол 13 алтын», «Митьке Михалеву сыну 12 алтын» и др. (стр. 13);

2) «Бабке дал истобнику» (стр. 15), «порука Белоглаз» (стр. 14), «Берсеню» (стр. 17, 21, 28), «Бурку дал полтину» (стр. 14), «Как было за Верещагою» (стр. 16), «Горемыке... с выти по 2 алтына» (стр. 16), «Дичьку» (стр. 15, 20, 26), «Дрожще» (стр. 13, 34), «Другане» (стр. 17), «Дураку» (стр. 15), «Запинаю» (стр. 17, 35), «Истоме седельнику» (стр. 17, 25, 35), «Истоме Кузнецову» (стр. 17, 23, 25), «порука по нем Козел» (стр. 37), «Клоку» (стр. 27), «Козлу Ермолину» (стр. 19, 26), «Истобником Соколу да Грезе» (стр. 32), «Кочюру» (стр. 15, 27) и т. д. и т. п.

Значение греческих имен в первой из указанных групп примеров не может вызывать сомнений: это личные имена. Примеры второй группы, как уже было выяснено, представляют собою наименования по прозвищу.

Подведем итоги наших небольших разысканий. Рассмотрение различных случаев употребления русских и греческих имен в памятниках XV—XVII вв. приводит к заключению, что те выводы об отношениях русских имен к греческим, которые были сделаны выше (в § 8) применительно к наименованиям, состоящим из русских и греческих имен, в действительности имеют общее значение: они относятся ко всем видам наименований, употреблявшимся в указанное время. Следовательно, все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XV—XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена (за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имен) имели значение личных имен.

§ 12. В памятниках письменности XV—XVII вв. представлены и данные, которые свидетельствуют, что к указанному времени русские имена не только изменились в прозвища, но уже и развивались как прозвища. Это нашло свое отражение в том, что русские имена в составе наименования

¹ Е. Голубинский, указ. соч., стр. 428.

могли находиться не только на втором месте, т. е. следовать непосредственно после имен греческих, но и на третьем месте — после отчества или в конце наименования. Приведем несколько примеров таких наименований из Новгородских кабальных книг XVI в. (ч. I): «Писана служивая кабала... на Онтонка на Игнатьева сына, а прозвище Жданко» (1593) (стр. 150); «Илья Титовъ сынъ, прозвище Косикъ» (1593) (стр. 190); «на Олександра на Федорова сына, а прозвище Крикъ» (1593) (стр. 153); «Гаврило Ивановъ сынъ, прозвище Попокъ» (1593) (стр. 189); «Сергей Никитинъ сынъ, прозвище Скоро» (1593) (стр. 187); «на Дениска на Васильева сына, а прозвище Трешка» (1593) (стр. 155); «Павель Дмитриевъ сынъ, прозвище Урюпа» (1593) (стр. 185); «на Овдриюшку на Игнатьева сына, а прозвище Ёрзикъ» (1594) (стр. 164); «Карпъ Ивановъ сынъ, прозвище Беляй» (1595) (стр. 181); «Феодилъ Федоровъ сынъ, прозвище Дружинка» (1595) (стр. 180); «Иванъ Кириловъ сынъ, прозвище Жданъ» (1595) (стр. 146); «Лаврентейко Потапьевъ сынъ, прозвище Жданко» (1595) (стр. 119); «Максимко Овонасевъ сынъ, прозвище Завьялко» (1595) (стр. 130); «Мина Микифоровъ сынъ, прозвище Казаринъ» (1595) (стр. 16); «Омоско Федоровъ сынъ Нечаевъ, а прозвище Межага» (1595) (стр. 62); «Иванъ Михайловъ сынъ Лудянинъ, прозвище Первой» (1595) (стр. 93); «Федка Микифоровъ сынъ, прозвище Первушка» (1595) (стр. 74); «Ивашко Яковлевъ сынъ прозвище Поспѣлко» (1595) (стр. 137); «Фирс Ермолинъ сынъ, прозвище Русакъ» (1595) (стр. 120); «Гаврилка Михайлова сына, прозвище Томилка» (1595) (стр. 29); «Иванъ Федоровъ сынъ, прозвище Хмыль» (1595) (стр. 85) и т. п.

По этому образцу могли строиться и женские наименования: «Даная на женку Овдотыцу Семенову дочь, прозвище Нешеру, да на дѣвку Домницу Яковлеву дочь, прозвище Собину» (1575) (Записн. кн., стр. 24—25); «сѣ Овдотыцею сѣ Матеевѣвою дочерью, а прозвище з Голубою» (1595) (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 144); «Марьяца Онисимова дочь, прозвище Бѣлка» (XVI в.) (Записн. кн., стр. 193); «с Оленкою с Костянтиновою дочерью, а прозвище Руська» (Новг. каб. кн., ч. II, стр. 64); «Улита Иванова дочь, а прозвище Паршина» (там же, стр. 131); «Марина Олексеева [дочь], вдова, [Ник]ифоровская жена, а прозвище Завлещана» (там же, стр. 141); «Се яз Варвара Ярофиева дочь, а прозвище Тетеря» (там же, стр. 225) и т. п.

Употребление слова *прозвище* было не обязательно и в этого вида наименованиях. Вот несколько таких примеров:

XV в. к. Из «Актон феодального землевладения»: «Григорей Яковль сын Измайлова Яреп» (1456) (стр. 107); «Григорей Микулич Соболю» (1461—1464) (стр. 208); «у Ивана у Федоровича у Судока» (ранее 1473) (стр. 253); «Иван Терентьев Рагоза» (1473—1489) (стр. 83).

XVI в. к. Из «Книги ключей»: «Васюку Овчинницину Голику» (1547) (стр. 13); «Гришьке Михалеву сыну Омсн» (1547) (стр. 13); «Проньке Олферову сыну Жельне» (1548) (стр. 19); «Исае Клишину сыну, Сулою» (1548) (стр. 24); «Иванку Омелянову Трегубу» (1550) (стр. 32); «Сеньке Микифорову сыну Жваке» (1551) (стр. 37); «Гаврилу Карпову сыну Медведю» (1553) (стр. 48); «Ивану Ортемову сыну Голах» (1556) (стр. 58); «Грише Кузьмину сыну Горбуну» (1556) (стр. 58); «Ивану Емельянову сыну Губе» (1556) (стр. 57); «Василью Никитину сыну Жеребате» (1556) (стр. 57); «Ивашку Горохову Капле» (1556) (стр. 68); «Семену Савольсву сыну Кривому» (1556) (стр. 58); «Ивану Карпову сыну Крохе» (1556) (стр. 57); «Стефану Назарову сыну Собине» (1556) (стр. 58); «Данило ж Гридинъ сын Чешко» (1556) (стр. 58); «Ивашку Горогову Сопле» (1556) (стр. 63) и мн. другие. В памятниках письменности XVI—XVII вв. такие наименования могут быть найдены в неограниченном количестве.

Итак, прозвище могло находиться в наименовании не только на втором, но и на третьем месте. Какого рода тенденции в развитии прозвищ отражаются в этих фактах словорасположения? Выше было уже указано, что основному значению прозвищ — значению второстепенного и необязательного личного имени — соответствовало расположение прозвищ в наименовании на втором месте, т. е. после личных имен. Новые возможности для развития значения прозвищ заключались в расположении прозвищ на третьем месте или в конце наименования. В указанном положении прозвища могли утрачивать значение второстепенных личных имен и приближаться по своему значению к родовым прозваниям, за которыми это место в наименовании в конце концов и было закреплено обычаем. Вот пример изменения прозвища в указанном направлении. В XVII в. в г. Темникове служил пушкарем некто «Дмитрейко Созонов сын Большая Борода» или «Дмитрей Большая Борода» (Яковлев, стр. 513, 515). В середине XVII в. на его месте служил его сын «Данилко Дмитров сын Большой Бороды» (там же, стр. 513). В документах он именуется и иначе: «Данилко Дмитрев сын Большая Борода» (там же, стр. 515, 517 и др.). В этих наименованиях слова *Большой бороды* и *Большая борода* уже не имеют значения личного прозвища: в первом случае, как на то указывает форма род. падежа, прозвище имело значение своеобразного прозвищного отчества, во втором случае значение слов *Большая Борода* приближалось к родовому прозванию. Однако это еще не родовое прозвание, так как оно представляет собой повторение прозвища отца в неизменной форме и всего навсего лишь во втором поколении. Сын Даниила — внук Дмитрия Большой Бороды — именовал себя в указанное же время «Гришка Данилов Большой Бороды» (там же, стр. 514). Слова *Большой Бороды* в этом наименовании (третье поколение) еще более приближаются по значению к родовому прозванию и, однако, тоже им еще не являются, так как могут представлять собою своеобразное прозвищное отчество отца, вместе с именем которого, в форме притяжательного прилагательного, они входили в наименование внука, Григория. Непосредственное изменение прозвищ в родовые прозвания в Московском государстве XVI—XVII вв. — явление очень редкое, и притом оно было ограничено определенными случаями. Образование родовых прозваний происходило на иной основе, но вопрос об этом стоит за пределами темы настоящей работы и касаться его здесь мы не будем.

§ 13. В заключение еще о двух выводах Н. М. Тупикова, приведенных нами выше, но оставшихся не рассмотренными. Указав, что «русские имена иногда переходили в прозвища», Н. М. Тупиков пишет: «какие имена и когда переходили в прозвище, решить невозможно». Данные, приведенные выше, позволяют предложить более определенные ответы на эти вопросы.

Какие имена переходили в прозвище? Первоначально, после принятия христианства, в прозвища переходили русские имена, и не по отдельности, как думает Н. М. Тупиков, а все, какие были в употреблении. Процесс изменения русских имен в прозвища мог позднее распространиться и на некоторые греческие имена (см. § 10).

Когда происходили изменения русских имен в прозвища? Исходным моментом этих изменений было введение христианства и греческих имен. В XV в. русские имена употреблялись уже как прозвища. Но весьма возможно, что данный процесс закончился и раньше. Выяснить это можно будет лишь при помощи специального исследования употребления греческих и русских имен с X по XIV в. включительно. Такого исследования пока не произведено. Не следует, однако, представлять себе дело так, что вопрос об изменении русских имен в прозвища может быть сведен к вопросу о какой-либо дате. Хотя русские имена изменялись в прозвища все-

и изменения эти начались с одного времени, однако процесс этот протекал в различных слоях русского общества не одновременно. В среде господствующего класса эпохи феодализма он протекал быстрее, нежели в среде масс трудового народа. По данным Н. М. Тупикова, уже с конца XIII в. «исчезает обычай именовать князей двумя именами» (стр. 63). С указанного времени князья именуются только греческими именами. В Тысячной книге времени Ивана Грозного (1555 г.) бояре именуются только греческими именами. Однако еще и в XVII в. у царя Алексея Михайловича был боярин Богдан Матвеевич Хитрово, настоящее имя которого — Иов — стало известно лишь после его смерти.

Что касается заключительной части выводов Н. М. Тупикова, в которой говорится, что «признание русского имени равноправным с христианским или же имеющим значение только прозвища зависело от воли отдельных лиц, посивших это имя или писавших документ, куда заносился владелец имени», — то она основана на неправильном истолковании таких наименований одного и того же лица, как, например: «Иван Катунин а прозвище Смирый» и «Смирый Гордеев сын Катунин». Выше было выяснено, что наименование того или иного лица по одному прозвищу вовсе не делало это прозвище личным именем. Личным именем вышеупомянутого Ивана Катунина не переставало быть имя *Иван* и тогда, когда его называли просто *Смирям*. В воле именуемого было назвать себя только греческим или только русским именем, точно так же, как в воле писца было (до известной степени) назвать на бумаге то или иное лицо греческим или русским именем, однако и тот и другой были бессильны сделать то или иное русское или греческое имя личным именем или прозвищем. Личное имя и прозвище существовали не только на бумаге. Они представляли собой факты лингвистические, а кроме того, и культурно-исторические. Принятие греческих имен в качестве личных и изменение русских имен в прозвища были обусловлены закономерностями русского исторического процесса, а не волею отдельных лиц.
